

С. И. Кочкуркина

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск,
Россия. svetlana.kochkurkina@mail.ru

ОЛОНЕЦ. ВОЕННЫЙ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ЦЕНТР В СОСТАВЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

В статье рассматриваются этапы заселения Онежского-Ладожского водораздела (Олонецкий перешеек), строительство оборонительных сооружений, возникновение и формирование первого в Карелии военно-административного и торгово-ремесленного города Олонца в XVII–XVIII вв. в составе Русского централизованного государства по результатам многолетних археологических раскопок и письменным источникам.

Ключевые слова: Карелия, Олонецкий перешеек, этапы заселения, письменные источники, Рождественский погост, строительство крепости, археологические раскопки, становление и развитие городской структуры

Работа выполнена из средств федерального бюджета государственного задания
Карельского научного центра РАН.

Специфические природные условия, выразившиеся в особенностях рельефа, климата, водных ресурсов, почвенного покрова, растительности, животного мира, способствовали освоению этого края еще с глубокой древности [Древний Олонец, с. 10–19]. Известны поселения каменного века и раннего металла, курганы, селища (неукрепленные поселения). Средневековые представлены курганными погребальными комплексами, содержащими как мужские, так и женские погребения по обряду трупосожжения и трупоположения. Кроме того, в этих насыпях находились и более поздние, впускные, захоронения. В погребениях X – начала XI в. найдены западноевропейского происхождения предметы: украшения (овально-выпуклые фибулы, браслеты, бусы и т. д.), костяные гребни, весы и монеты, наконечники копий, боевые топоры. Однако в этих курганах отмечен своеобразный обряд погребения, встречены предметы прибалтийско-финского происхождения: подвески, бронзовые бусы, лепная керамика. Поэтому, несмотря на присутствие типичных скандинавских фибул, без сомнения, можно утверждать, что в этих курганах погребены жители средневековой Карелии.

По характеру погребального обряда и инвентаря самая северная чёлмужская группа насыпей, с одной стороны, схожа с прибалтийско-финскими курганами Юго-Восточного Приладожья, а с другой имеет различия как в инвентаре, так и в устройстве могильных сооружений в виде длинного узкого сруба. В них, скорее всего, погребены представители населения, уже испытавшего активное влияние славянской культуры.

В курганах XI–XII вв. располагались своеобразной формы срубы, гробовища с выступающими концами: северные и южные бревна длиннее западных и восточных. В одних случаях могильные сооружения сделаны из досок, в других – из балок, иногда с деревянными крышками. Умершие укладывались головой на юг с некоторым отклонением к западу или востоку.

В начале XIII в. курганы как форма погребальной обрядности прекращают свое существование. На их смену приходят кладбища с христианскими захоронениями. В Карелии центр русской государственности располагался на Онежско-Ладожском водоразделе. Именно здесь происходили наиболее важные политические, социально-экономические и этнокультурные процессы [Кочкуркина, 2017, с. 80–83].

Олонец¹ впервые назван в приписке к Уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича. Сама грамота датируется 1136/1137 г., поэтому долгое время возникновение города относили к XII в. Однако сейчас можно считать доказанным, что приписка, в которой упомянут Олонец, датируется XIII в. В русских летописях Олонец упомянут в 1228 г.², когда отряды еми (финское племя хяме) на лодках появились в Ладожском озере. Узнав об этом, новгородцы с князем Ярославом как будто бы собрались дать отпор неприятелю. Но простояли в Неве несколько дней, собрали вече и, ничего не предприняв, возвратились в Новгород. Иначе поступил ладожский посадник Владислав вместе с жителями г. Ладоги. Под их ударами часть еми отступила к Олонцу и Исадам. Таким образом, о существовании Олонца в XIII в. рассказывают два независимых источника. Однако многолетние археологические раскопки на территории Олонецкой крепости слоев XIII в. не выявили.

С Олонцом отождествлялся упомянутый в «Саге о Хальвдане, сыне Эйстейна» Алаборг. Сага, датирующаяся концом XIV – началом XV в., относится к числу приключенческих в древнескандинавской письменности. Наряду с мифическими деталями она излагает вполне достоверные исторические события и некоторые историко-географические сведения, не встречающиеся в других источниках, в частности о городе Алаборге (семь упоминаний). Сообщается, что городом правил «большой герой» ярл Скули, после него титул ярла и город с окрестностями получил Ульвкелль, побратим Хальвдана [Древнерусские города, с. 161–165]. Попытки соотнести топоним Алаборг с конкретным городом предпринимались давно. В качестве вероятного местоположения назывались Белое море, Приладожье, Онежское озеро и одно из поселений вблизи г. Олонца [Глазырина]. Однако эта точка зрения не была поддержана исследователями [Джаксон, Мачинский, с. 132].

Следующие упоминания об Олонце появляются во второй половине XVI в.

Рождественский Олонецкий погост присутствует в документах XVI в., а также в Писцовой книге Обонежской пятины, составленной в 1563–1566 гг. писцом Андреем Лихачевым и подъячим Ляпуном Добрыниным³. Она включает описание 19 погостов, и первый из них – Рождественский Олонецкий. Но сведения о нем неполные: отсутствует начало и, возможно, есть пропуски в середине текста. Древнейшая же писцовая книга по Обонежской пятине 1495–1496 гг., принадлежащая писцу Юрию Сабурову, сохранилась частично, и упоминаний об Олонце в ней нет. Описание Рождественского погоста имеется в Писцовых книгах Андрея Плещеева и Семена Козьмина (1582/1583 г.)⁴, Петра Воейкова и Ивана Льговского (1616–1619 гг.)⁵, Никиты Панина и Семена Копылова (1628–1631 гг.)⁶, в Переписной книге 1646 г. Ивана Писемского и Якова Еуфимьева⁷, а также в Переписной книге Ивана Дивова 1657 г.⁸

¹ Происхождение ойконима Олонец (Aunus), возникшего на территории расселения карелов-ливвиков, до сих пор остается невыясненным.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 89.

³ Писцовая книга Андрея Лихачева и Ляпуна Добрынина // Писцовые книги Обонежской пятины 1496 г. и 1563 г. Л., 1930. С. 57–75.

⁴ Писцовая книга Андрея Плещеева и Семена Козьмина 1582/83 г. // РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент). Кн. 963. Л. 678–784, 938–1175 об. Изд.: Неволлин К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI в. // Записки Русского географического общества. СПб., 1853. Кн. 8. Прил. 6. С. 133–181 (опубликована частично); История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоенсуу, 1993. С. 34–341.

⁵ Писцовая книга 1616–1619 гг. Петра Воейкова и Ивана Льговского // РГАДА. Ф. 1209. Кн. 8551. Л. 1–170, 203–269; кн. 8554. Л. 1–262.

⁶ Писцовая книга 1628–1631 гг. Никиты Панина и Семена Копылова // РГАДА. Ф. 1209. Кн. 308. Л. 1–381. Выборочно опубликована в Олонецких губернских ведомостях. 1849. № 1–7.

⁷ Переписная книга 1646 г. Ивана Писемского и Якова Еуфимьева // РГАДА. Ф. 1209. Кн. 980.

⁸ Переписная книга Ивана Дивова 1657 г. // РГАДА. Ф. 137 (Боярские и родовые книги). Оп. 1. Олонец № 5. 68 л.

Рождественский Олонецкий погост, как и другие погосты восточной Карелии, имеет двойное название: первое – по главной церкви погоста, второе – по основному географическому пункту. Погост являлся центром большой административной округи, западной границей которой от с. Обжи до Соломенского (Салми) погоста служил берег Ладожского озера, северной границей – оз. Сямозеро, восточной – оз. Святозеро. Уже существовали Сяндебская и Андрусовская пустыни [Кочкуркина, 2020], вблизи южной границы – обитель Александра Свирского. Описание же погоста-места – центра административной округи – отсутствует вовсе. Однако о сельском населении обширного Олонецкого погоста есть содержательная информация.

В домосковский период земли принадлежали в основном новгородским духовным и светским феодалам – боярам, монастырям, новгородскому митрополиту. Другие земли Олонецкого погоста приписали к Конюшенному приказу. Остальные стали оброчными; жившие на них люди платили оброк в государственную казну и, по существу, были полными хозяевами своих участков: могли продать, заложить, передать по наследству. Не были конфискованы земли своеземцев из-за их незначительности. Крупные поместные землевладения в Карелии, в те времена глухой провинции с неблагоприятными климатическими условиями, отсутствовали.

Первые оборонительные сооружения на территории Рождественского Олонецкого погоста появились лишь в начале XVII в. в связи с нападением отрядов черкас и «немецких людей». Осенью 1613 г. Олонецкий острожек для защиты населения в то беспокойное время уже был построен, хотя нам неизвестно, где именно, возможно, на мысу при слиянии рек Олонки и Туксы [Кочкуркина, 2009]. В январе 1614 г. «приходили на Олонец изгоном черкасы и немецкие передовые люди восемьсот человек ... и тех черкас и немецких людей многих побили и языки многие и знамена поимали»⁹.

Олонецкая крепость по письменным источникам. Население Олонецкого перешейка было вовлечено в масштабные военно-политические события. В первые десять лет царствования Алексея Михайловича (1645–1676 гг.) отношения со Швецией в основном были спокойными, какими они были при его отце Михаиле Федоровиче (1613–1645 гг.). Однако постоянная опасность вторжения шведских военных отрядов – по Столбовскому договору пограничная линия проходила в непосредственной близости, всего в 50 км, от Рождественского Олонецкого погоста – побудила московское правительство предпринять ряд мер по обеспечению обороноспособности пограничных районов, в связи с чем развернулось строительство Олонецкой крепости. О характере и организации строительных работ на протяжении XVII в. можно судить по многочисленным письменным документам¹⁰.

Ранней весной 1649 г. воеводы князь Федор Волконский и Степан Елагин по царскому указу прибыли в Олонецкий погост и выбрали для строительства крепости мыс при слиянии рек Олонки и Мегреги и уже 29 сентября этого же года доложили о завершении строительства. Были построены два деревянных города: Меньший – в западной части и Большой – в восточной. Укрепления с 19 башнями имели протяженность 783 сажени. Оба города образовали замкнутый оборонительный комплекс, по тем временам – мощную дерево-земляную крепость. Она являлась классическим примером крепости мысового типа (расположение на мысу-стрелке с устройством рва). В Меньшем городе находились соборная церковь, съезжая изба – орган

⁹ Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1902. Вып. 4. С. 4.

¹⁰ Росписной список воеводы князя Федора Волконского 1649 г. // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1848. Т. 3. С. 227–231; Роспись сметная Олонцу 1672 г. воеводы Ивана Баклановского // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1857. Т. 6. С. 220–226; РИБ. СПб., 1884. Т. 8. С. 907–950; Роспись описная городу Олонцу 1702 г. // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Олонец № 22. Л. 2–39 об.

административного управления, казенный погреб для хранения воинских припасов, воеводский двор – официальная резиденция воеводы. Большой город предусматривался для защиты местного населения, которое в случае военной опасности могло укрыться за крепостными стенами. Большой город с самого начала предназначался для постоянного местожительства посадского населения.

Охрану шведского рубежа московское правительство решило поручить самим местным жителям, обучив их «иноземному строю». Правительство полагало, что крестьяне смогут нести военную службу и вести хозяйство одновременно, таким образом планировалось создать новую социальную категорию «пашенных солдат».

В 1668 г. оба олонекских города сгорели из-за сильного ветра и тесной застройки. Вопрос о восстановлении Олонца был поднят в скором времени. В 1670 г. в Москве уже находились сметная Роспись и чертеж будущего города, отрицательно решился вопрос как об увеличении территории крепостного двора, поскольку она ограничена руслами двух рек и рвом, так и о сооружении земляного города. Строительство, начатое в 1670 г., завершилось через два года. Планировка крепости сохранила в основном прежние черты, но исчезли деление на два города и существовавшая между ними стена. Башен стало 13 вместо 19.

Большую ценность для восстановления облика древнего Олонца имеют планы города, особенно план из Научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки РАН (Рис. 1). Он выполнен в стиле, характерном для XVII в., и представляет значительный интерес как для изучения застройки и планировки крепостного двора, так и для исследования архитектурных особенностей административных, культовых и жилищно-хозяйственных комплексов кремля. Хорошо показана на плане центральная уличная магистраль, которая начинается от Московских ворот, пересекает восточную часть крепости и поворачивает на юг к Никольским воротам. Любопытно отметить такую черту благоустройства города, как мощение главной улицы и участка от здания приказа до соборной церкви. Переулки к Верховским и Мегрегским воротам оставались немощеными. В восточной части города располагались хлебные амбары, торговые лавки, комплекс дьячего двора и т. д. Западная часть кремля была занята воеводским двором, отделенным от остальной крепости оградой. Двор имел выход к р. Олонке через «водяные» ворота в крепостной стене.

На территории крепости располагались две каменные постройки: палата для хранения пороха и казны, а также Троицкий собор. Предполагается, что в 1741 г. крепость сгорела и больше не восстанавливалась, так как после победы в Северной войне шведская граница отодвинулась далеко на запад и Олонец потерял свое военно-оборонительное значение.

Археологические раскопки. Наличие большого количества документов по строительству Олонекской крепости не исключало необходимости трудоемких археологических работ, поскольку только результаты археологических исследований позволяют восстановить основные этапы создания деревянного города, конструктивные особенности застройки территории крепостного двора и конкретных сооружений. Без археологически изученных опорных точек определить топографию крепости невозможно. Археологические материалы помогают раскрыть конкретное содержание письменных источников, изучить материальную культуру города, письменными документами не представленную.

Обследование территории крепости показало чрезвычайно плохую сохранность как крепостных, так и городских сооружений. Главная причина заключается в том, что центр исторической застройки площадью около 7 га со времени возникновения крепости и до нынешних времен является объектом интенсивной хозяйственной деятельности. Он застроен современными административными, жилыми и хозяйственными постройками, что отрицательно сказалось на сохранности исторического памятника. Старожилы рассказывали,

что при асфальтировании центральной улицы, идущей вдоль мысовой части, и строительстве универмага были видны остатки древней мостовой. Они же говорили, что при земляных работах у входа в историческую часть (поясним: на месте, где в XVII в. были Московские ворота) рабочие не могли вытащить вертикально стоящее мощное бревно, его пришлось забить в грунт. В настоящее время никаких внешних признаков, свидетельствующих о существовании некогда мощной крепости, на поверхности не видно, за исключением глубокого рва, следы которого еще кое-где прослеживаются, основная же его часть засыпана.

На территории Олонецкой крепости в течение более 10 полевых сезонов (1973–1975, 1988, 1990–1991, 1993, 1995, 2004, 2007, 2008 гг.) сотрудниками сектора археологии Карельского научного центра РАН под руководством автора настоящей статьи вскрыто около 1000 кв. м (Рис. 2). Выявлены прекрасной сохранности деревянные укрепления стен рва – так называемый обруб, относящийся ко второму строительному периоду – 1672 г. (Рис. 3). По фасаду он представлял собой двойную рубленую стену (расстояние между двумя рядами бревен – 0,4 м). Внутренние поперечные стенки рубились из менее толстых бревен на расстоянии около 4 м друг от друга. Концы длинных бревен по фасаду крепились в замок («ласточкин хвост»), поперечные – способом рубки «в лапу». Продольные бревна сохранились до высоты трех-четырех венцов (до 0,76 м), поперечные – на два-три венца (до 0,72 м). Чтобы не допустить сползания обруба, после засыпки его грунтом строители сделали дополнительные крепления: через 0,88 и 0,4 м от поперечных стен в фасадные врубались короткие поперечные бревна с квадратными сквозными пазами, через которые в грунт были вбиты деревянные колья. В западной стенке рва – такой же обруб. По документам, существовали еще бревенчатые перемычки между стенами рва – «стрелы из стены в стену», но найти их в процессе раскопок не удалось. Видимо, они устанавливались не по всей длине рва.

На плане Олонца конца XVII в. между каменным собором Святой Троицы и деревянной Богоявленской церковью схематически изображено кладбище. Никаких опознавательных знаков кладбища (кресты, холмики, впадины) не сохранилось. В процессе археологических работ удалось выявить 61 погребение (из них 28 детских). Детские находились в основном на глубине 0,6–0,8 м, взрослые захоронения располагались глубже – до 1,22 м от поверхности земли. Погребенные лежали на спине со сложенными на поясе руками, в вытянутом положении и были ориентированы чаще всего на запад с некоторым отклонением к югу и к северу. В 34 захоронениях выявлены остатки деревянных могильных сооружений, в 12 – следы древесного тлена поверх скелетов. Могильные сооружения разнообразны: гробовища из рубленых досок (4), колоды, выдолбленные из дерева (4), в остальных случаях использовались гробы. В некоторых захоронениях (7) имелись угольки.

Из погребального инвентаря найдены 22 нательных крестика, часть складной иконы, медные пуговицы, металлическая чашечка с чеканным растительным орнаментом и некоторые другие предметы. Но примерно в половине погребений не обнаружено никаких вещей. Все эти особенности погребального обряда свидетельствуют о стойком сохранении язычества в среде древних олончан [Древний Олонец, с. 56–58].

Существовало ли кладбище до постройки крепости? Если принять на веру свидетельства документов о двух деревнях, существовавших до постройки крепости (Оксентьево и Толмачев Наволок), то можно предположить, что кладбище было основано жителями этих деревень. Но таких деревень нет ни в писцовых, ни в переписных книгах по Олонецкому погосту. Более того, о кладбище на территории, которую выбрали для строительства крепости, тоже нет упоминаний. Следовательно, есть основания считать, что кладбище синхронно Олонецкой крепости и создано ее жителями.

Роспись 1672 г. упоминает центральную Московскую Пробойную. От нее шли улицы

к Верховским и Мегрегским воротам. Есть они и на плане Олонца XVII в. Археологически изучены две деревянные мостовые города. Одна, более древняя (ее ширина 3,2 м), лежавшая на материковом грунте, шла в направлении с запада на восток, к Никольской башне. Мостовая сохранилась довольно хорошо, потому что бревна (диаметр 0,24 м) предварительно смолили или обжигали. Возможно, мостовая вела к стрелецкой караульне, располагавшейся у Никольской башни, или к воеводскому двору.

Вторая мостовая выявлена на глубине 0,44–0,6 м (Рис. 4). Максимальная ширина – 6,4 м, что соответствует документальным данным. Сделана в основном из сосновых плах диаметром 0,2–0,3 м. Гвозди употреблялись редко. Железная скоба найдена всего одна. Конструкция второй мостовой аналогична предыдущей. Хорошо сохранились две центральные слегибревна, идущие в направлении северо-восток – юго-запад. Здесь же тесали и ошкуривали бревна. Именно эта мостовая, указанная на плане XVII в., вела от Московской Пробойной улицы к Никольской башне.

На углу улиц 30-летия Победы и Свирских дивизий на глубине около 1 м на слое материковой голубоватой глины выявлены остатки деревянной мостовой – Московской Пробойной улицы (Рис. 5). Максимальная ее ширина – 3,8 м, длина – 10,5 м. Эта мостовая отличается от двух упомянутых выше тем, что здесь использованы более мощные бревна, видимо, потому, что Московская Пробойная улица как главная при въезде в город испытывала большую нагрузку.

Известно, что в 1649 г. на первом этапе существования Олонецкой крепости с восточной стороны города между реками Мегрегой и Олонкой был выкопан ров в 4 саженьях от стены, чтобы вода, заполнив ров, не разрушила стену. В 1672 г. во время второго строительного периода, когда после пожара восстанавливали крепость, ров был очищен с napольной стороны, так как во время пожара он обвалился под тяжестью земли, высыпавшейся из сторевших конструкций (быков). Против каждой из трех башен, в том числе и против Московской, через ров соорудили мосты с решетками и надолбами – «мосты на срубе». Возможно, остатки деревянного строения в восточной части раскопа связаны с укреплениями рва.

Археологическое наблюдение за прокладкой траншеи для водопровода позволило получить значимые результаты, не прибегая к широкому вскрытию участков. Так, удалось выявить остатки каменной палаты, которую в прошлом так долго и безуспешно искали. По документальному описанию известно, что в 1674–1676 гг. в Олонецком городе строилось первое каменное здание – приказная палата для хранения денежной казны, пороха, свинца и прочих припасов. Под фундамент был выкопан ров общей длиной (в пересчете на современные меры длины) немногим более 77 м и глубиной около 1,8 м. В дно рва было вбито 959 свай длиной 2,1 м каждая, на торцы которых были уложены 84 пластины-лежня, после чего ров забутили диким камнем. Сама постройка была кирпичной. На плане XVII в. она изображена в виде высокой, может быть, двухэтажной постройки, на плане XVIII в. – в виде длинного одноэтажного здания. В конце XVIII в. это здание называлось ветхим.

Итак, на территории Олонецкой крепости за многие годы удалось выполнить масштабные исследования. Конечно, археологически не изучено еще много объектов, однако возможности таких исследований здесь очень ограничены из-за плотной современной застройки. Тем не менее наши исследования прояснили и существенно дополнили письменные источники по истории военно-административного центра Олонца, защищавшего западные рубежи Московского государства.

Большинство находок, собранных на территории Олонецкой крепости, – фрагменты гончарной керамики (более 2500), обломки железных (170) и медных изделий (70), точильные бруски (20), обломки курительных трубок (21), кремни оружейные (24) и т. д.

О постепенном превращении Олонца в торговый город свидетельствуют находки монет (107), в основном мелких медных XVIII–XIX вв. (Рис. 6). Ни одной монеты, относящейся к периоду строительства крепости, не обнаружено. Наиболее ранняя группа из пяти монет датируется концом XVII – началом XVIII в. Монет времени правления Анны Иоанновны (1730–1740) – 40, Елизаветы Петровны (1741–1761) – 22, Екатерины II (1762–1796) – 15. Монеты Павла, Александра I и Николая I немногочисленны.

Административное управление. С 1649 г. Заонежские погосты имели самостоятельное воеводское управление. Первым воеводой был назначен Дорофей Карпович Ельчанинов, а в декабре того же года его сменили Федор Федорович Волконский и Степан Парфеньевич Елагин, осуществившие мероприятия по строительству крепости. Олонецкие воеводы не только несли большую ответственность за исполнение своих прямых воеводских обязанностей – судить, собирать налоги, управлять, но и занимались обороной, военными делами, обучением солдат и т. д. В 1657 г. удалось отразить нападение неприятеля на Олонец. Напавшие уничтожили ряд деревень в Олонецком погосте, но от города были отброшены. Олонецким воеводам поручалось тайно собирать информацию о приезжающих из-за рубежа, решать спорные пограничные вопросы. В 1659 г. олонецкий воевода получил письмо от шведского генерала по поводу набегов русских «шишей» (разбойников), на что ответил, что, мол, никто на рубеж из местных жителей не уходил, а если шишуют люди с Валаама или из Корельского уезда, то ответственности за это олонецкий воевода не несет.

Административное управление находилось в западной части города в приказной избе. Сохранившийся архив дает представление о характере дел. Это прежде всего земельные споры между крестьянами. Штат приказной избы включал воеводу, дьяка, подьячих и пристава для рассылок. Главными задачами администрации были сбор денег, составление отчетности и производство суда. Дело начиналось с подачи потерпевшим челобитной. Если дело было незначительным, в пределах 5 рублей, челобитную рассматривал только дьяк, но более крупные иски разбирались вместе с воеводой.

Караульную службу в Олонце несли солдаты. С 1660 г., когда в город было прислано 30 стрельцов, Олонец стал одним из немногих северных городов, имеющим стрелецкий гарнизон. Любопытен в этом отношении документ 1664 г. Речь в нем идет о недоборе кабацких денег, за точностью сбора которых московское правительство строго надзидало. В 1656 г., говорится в документе, в Олонце было в привозе дешевое московское вино, а народу собралось много: драгуны, солдаты, новгородские стрельцы, донские казаки – и «питью был расход», а в 1663 г. вино стало дорогим, а ратных людей мало и оттого «учинился недобор».

Торговля, хозяйство, промыслы. Возникнув как военно-административный центр, Олонец постепенно превращался в торговый город. Есть сведения, относящиеся к XVII в., об олончанах, которые «привозят из-за моря всякие товары» и торгуют ими не только в Олонце, но и в Повенецком и других рядках, а также отвозят товар в Москву. Посадское население, продолжая поддерживать связь со своими семьями, оставшимися в погостах, иногда меняясь местожительством с ними, устанавливало торговые отношения не только с карельскими деревнями, но и с отдаленными русскими и шведскими территориями. Из Олонца вывозили за рубеж «карбасов по 20 и болши, а на всяком карбасе бывает товару тысяч по 10 и болши», много товаров привозили из-за рубежа, их затем везли в Москву и другие города. В то же время посадские люди жаловались, что им негде развернуться, город Олонец удаленный, пограничный, торгов и промыслов нет, но связей со Швецией не отрицали.

Государство использовало регулирующие меры при торговле с приграничными территориями, внимательно следило за взиманием пошлин. В декабре 1661 г. олонецким стрельцам, направляемым на Кондушскую заставу, адресуется «наказная память», в которой

предписывалось: строго следить, чтобы граница не нарушалась и ссор по этой причине между государствами не возникало, чтобы тайно не провозились съестные припасы, медные деньги и другие «заповедные» товары, а обратно не ввозились медь, вино, табак. Нарушившие правило вместе с товаром и провожатыми отправлялись в Олонец. Кто же имеет разрешение на торговлю, тому «шкоты и убытка не чинить», иначе от великого государя последует жестокое наказание без всякой пощады.

В 1686 г. ограничения относительно провоза за границу съестных припасов – свинины, говядины, рыбы и другой провизии – были сняты, потому что крестьяне, не продав товар, не могли платить податей, торговцы не имели прибыли, государство не получало таможенных пошлин. Порой же государство сознательно шло на убытки. Так, по просьбе семи лопских погостов, видимо, жаловавшихся на обилие привозимого спиртного, голове Олонецкого кружечного двора с товарищами запрещалось ездить в лопские погосты «с вином и с пивом и с медом», чтобы жителей этих погостов оберегать, «чтоб им жить в покое».

На ярмарку в Тихвин из карельских деревень, расположенных в низовьях р. Олонки, везли деревянные резные изделия, из других – железные. Медный промысел существовал в Ильинском. На всероссийском рынке продавались «олонецкие сохи», «олонецкие топоры». Олонецкий погост славился изготовлением сермяжного сукна, а также кож. Предметами широкой торговли были рыба и меха – наиболее ходовые товары на ярмарках. По Тихвинским таможенным книгам подсчитано, что ярмарку в 1654 г. посетили 56 олончан, в 1675 г. – 44, в 1693 г. – 62 человека. Посадские люди привозили из Олонца крупные партии товаров, оцененных на сумму свыше 800 рублей. Причем специализации не было: один и тот же торговец имел товары как местного производства, так и зарубежные.

В конце 70-х гг. XVII в. Олонец вместе со слободами насчитывал более 700 дворов, а среди посадских людей около 60 семей считались состоятельными: Свечниковы, Гуттоевы, Рухтоевы, Игумновы, Распутины, Дергыевы и т. д., денежные средства которых росли и в результате ростовщичества, торговли и скупки у населения предметов земледелия и промыслов для перепродажи их на крупных рынках.

Жители Олонецкой губернии вынуждены были уходить на промыслы в другие города Российской империи, добывая дополнительные средства к существованию, и даже считалось, что они более склонны к промыслам, чем к сельскому хозяйству. О столярах и каменотесах из Олонецкого погоста знали в Петербурге, Выборге и Сердоболе. Выходцы из Олонецкого уезда, как и из других мест Карелии, оказывались способными лоцманами и работниками на мореходных судах.

Своеобразие и неповторимость Олонцу придавали церкви [Куспак]. Они неоднократно перестраивались и за малым исключением до наших дней не сохранились. Здания в основном были деревянными. Кирпич в силу дороговизны применялся мало, поэтому отсутствовали местные профессиональные каменщики. Олонец в те времена был крупным центром художественной культуры Севера. Искусство этого периода, развиваясь на основе новгородской художественной школы и под воздействием общерусской культуры, приобрело при этом некоторые своеобразные черты. В XVII в. возникло и местное иконописание. Непрерывающиеся связи с Новгородом и другими художественными центрами Руси способствовали притоку мастеров. На многих иконах XVII–XVIII вв. отмечается влияние местной культуры. Иконопись Олонецкой земли ни в чем не уступает лучшим произведениям северных школ [Платонов].

* * *

Олонец встретил свой очередной год, и я, как почетный гражданин города, рада, что предпринимаются шаги по популяризации крепости как круглогодичного туристического центра. По программе «Народный бюджет» по периметру Олонецкой крепости в парке проложили без углубления в грунт пешеходные дорожки, установили освещение, на центральной аллее смонтировали створный знак, который повторяет контуры главной Московской башины. Осуществляется монтаж других деревянных сооружений.

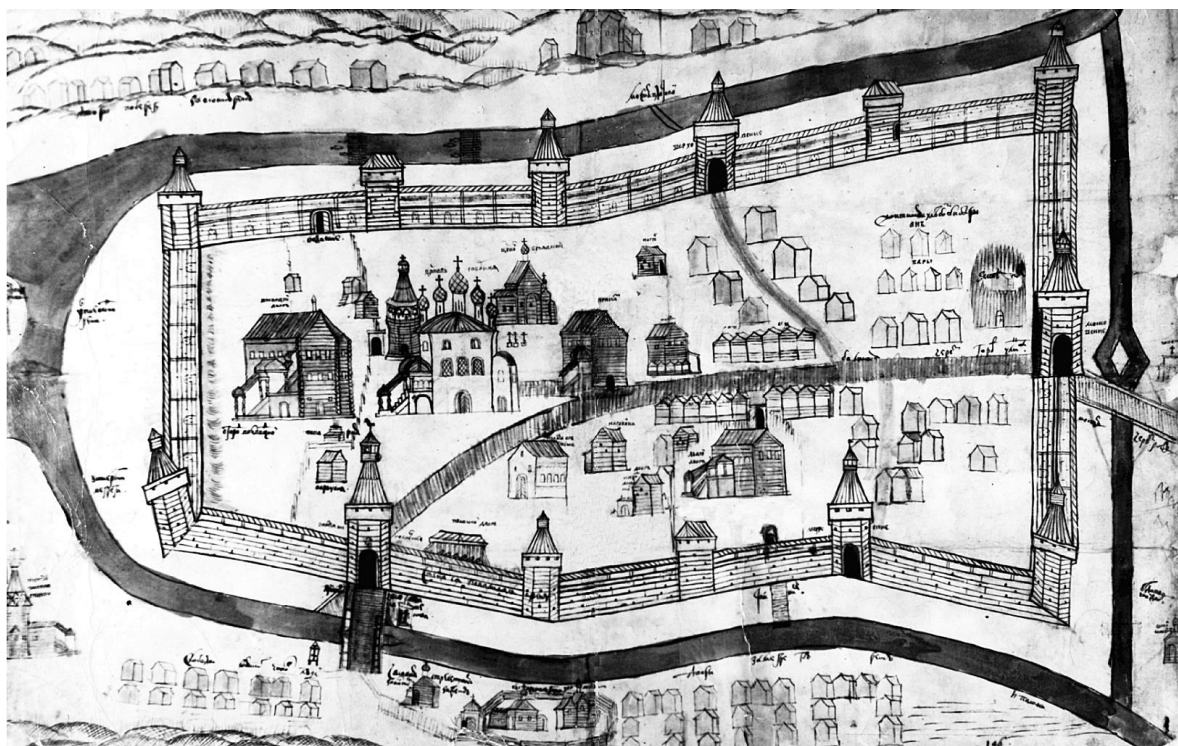

Рис. 1. План города Олонца XVII в. // НИОР БАН. F-266/2. Л. 116.

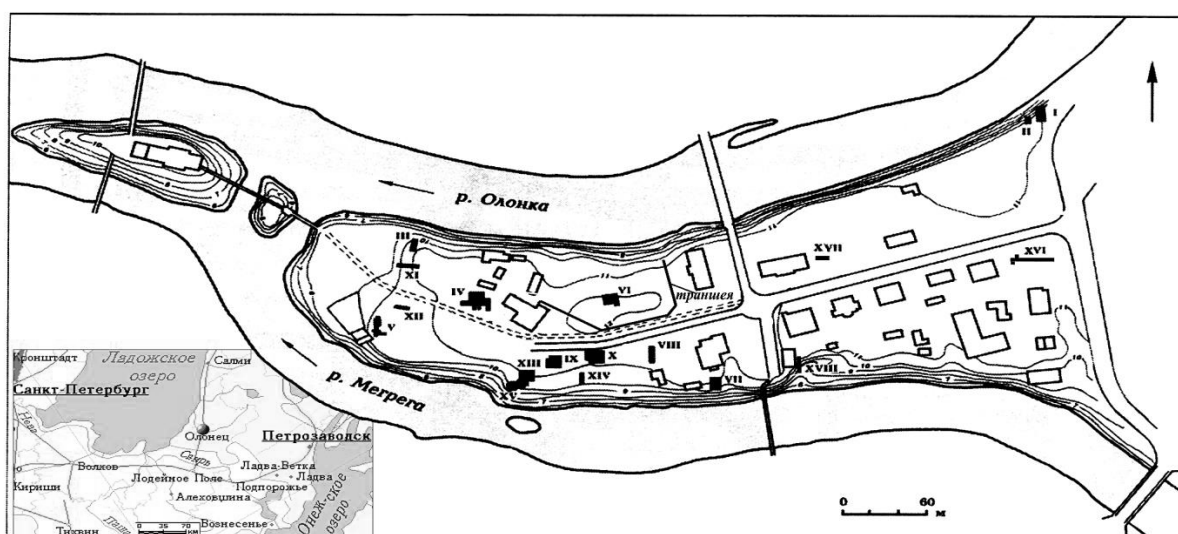
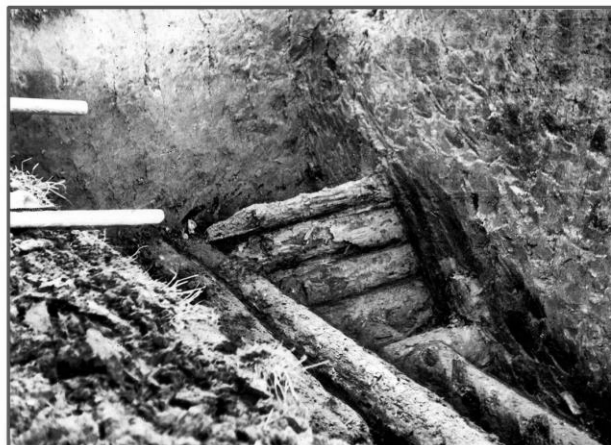

Рис. 2. Современный Олонец. Раскопы (I–XVIII)

а

б

в

Рис. 3. Деревянные укрепления рва (раскопы I–II)

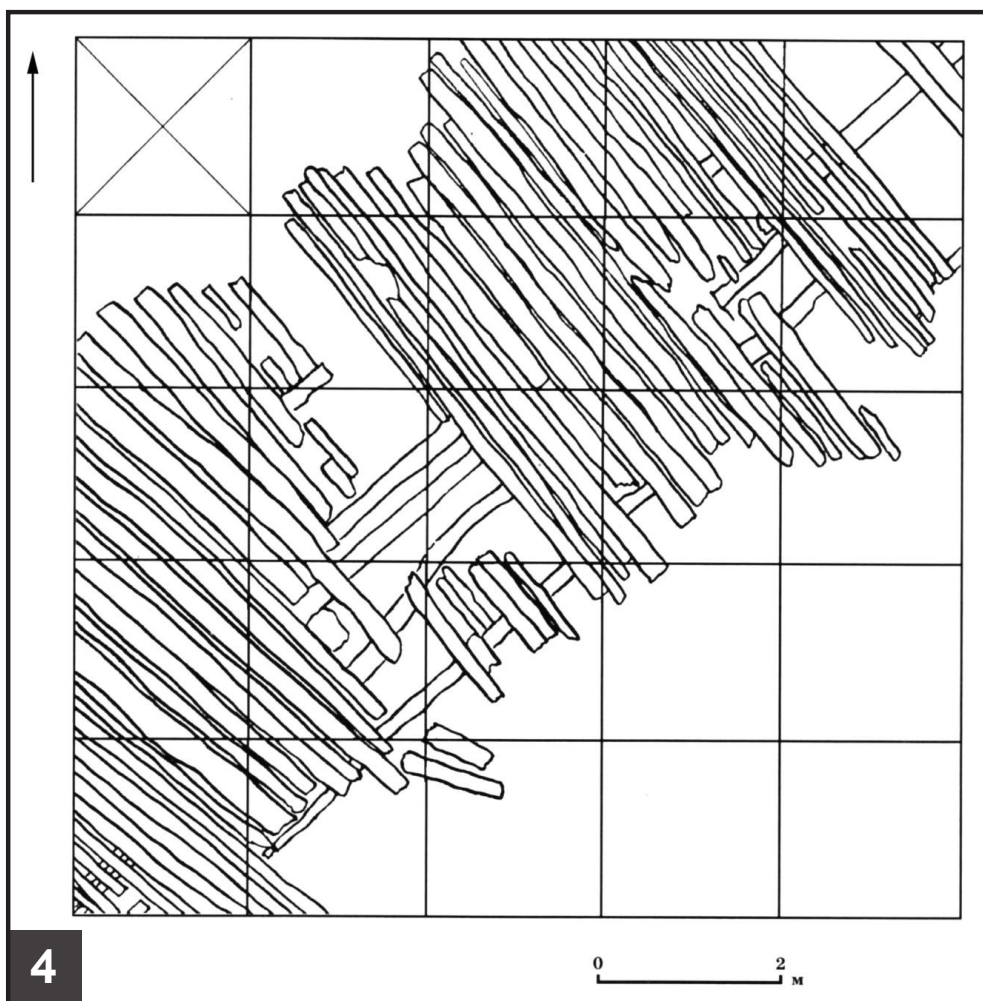
Рис. 4. Мостовая (раскоп IX)

Рис. 5. Участок Московской Пробойной улицы (раскоп XVI)

г

3

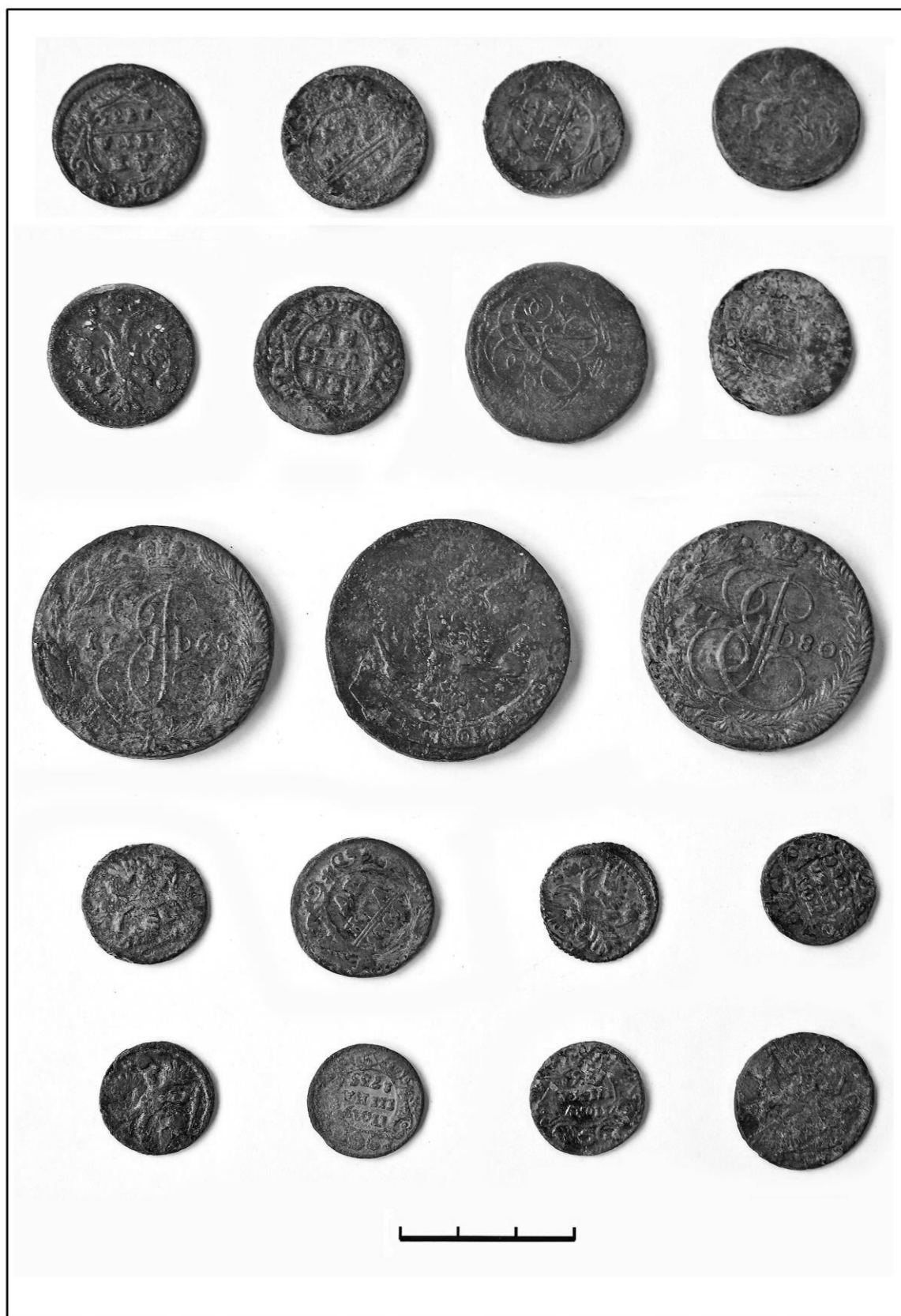

Рис. 6. Монеты

Литература

- Глазырина Г. В. Alaborg «Саги о Хальвдане, сыне Эйстейна»: К истории Русского Севера // Древнейшие государства на территории СССР. 1983 год. М., 1984. С. 200–208.
- Джаксон Т. Н., Мачинский Д. А. «Сага о Хальвдане, сыне Эйстейна» как источник по истории и географии Северной Руси и сопредельных областей в IX–XI вв. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1989. С. 126–145.
- Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М., 1987. 206, [1] с.
- Древний Олонец. Петрозаводск, 2011. 173 с.
- Кочкуркина С. И. Олонецкая крепость: итоги новых археологических исследований // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2009. № 5 (98). С. 7–14.
- Кочкуркина С. И. Археология средневековой Карелии. Петрозаводск, 2017. 280 с.
- Кочкуркина С. И. Историко-археологические исследования монастырей и сельских поселений Карелии (XV–XVII вв.) // Вестник университета им. Дм. Пожарского. 2020. № 1 (17). С. 66–96.
- Куспак Н. В. Церковные сооружения Олонца // Древний Олонец. Петрозаводск, 2011. С. 85–108.
- Платонов В. Г. Иконопись Олонецкой земли // Древний Олонец. Петрозаводск, 2011. С. 109–124.

References

- Drevnerusskie goroda v drevneskandinavskoi pis'mennosti [Old Russian Cities in the Old Norse Writing]. Moscow, 1987. 206, [1] p.
- Drevnii Olonets [Old Olonets]. Petrozavodsk, 2011. 173 p.
- Dzhakson, T. N., Machinskii, D. A. "Saga o Khal'vdane, syne Eisteina" kak istochnik po istorii i geografii Severnoi Rusi i sopredel'nykh oblastei v IX–XI vv. ["The Saga of Halvdan, the Son of Eystein" as a Source on the History and Geography of Northern Rus and Adjacent Regions in the 9th – 11th Centuries]. In *Voprosy istorii Evropeiskogo Severa*. Petrozavodsk, 1989. Pp. 126–145.
- Glazyrina, G. V. Alaborg "Sagi o Khal'vdane, syne Eisteina": K istorii Russkogo Severa [Alaborg of "The Saga of Halvdan, the Son of Eystein": Towards the History of the Russian North]. In *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. 1983 god*. Moscow, 1984. Pp. 200–208.
- Kochkurkina, S. I. Olonetskaya krepost': itogi novykh arkhеologicheskikh issledovaniy [Olonets Fortress: Results of New Archaeological Research]. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*. 2009. No. 5 (98). Pp. 7–14.
- Kochkurkina, C. I. Arkheologiya srednevekovoi Karelii [Archaeology of Medieval Karelia]. Petrozavodsk, 2017. 280 p.
- Kochkurkina, S. I. Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya monastyrei i sel'skikh poselenii Karelii (XV–XVII vv.) [Historical and Archaeological Study of Monasteries and Rural Settlements in Karelia (15th – 17th Centuries)]. In *Vestnik universiteta im. Dm. Pozharskogo*. 2020. No. 1 (17). Pp. 66–96.
- Kuspak, N. V. Tserkovnye sooruzheniya Olontsa [Church Buildings of Olonets]. In *Drevnii Olonets*. Petrozavodsk, 2011. Pp. 85–108.
- Platonov, V. G. Ikonopis' Olonetskoi zemli [Icon Painting of the Olonets Land]. In *Drevnii Olonets*. Petrozavodsk, 2011. Pp. 109–124.

Svetlana I. Kochkurkina

*Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia*

OLONETS. MILITARY AND ADMINISTRATIVE CENTER WITHIN THE RUSSIAN STATE

The article discusses the stages of settlement of the Onega-Ladoga watershed (Olonets Isthmus), the construction of defensive structures, the emergence and formation of the first military-administrative and trade-craft city of Olonets in Karelia in the 17th – 18th centuries as part of the Russian centralized state based on the results of years-long archaeological excavations and written sources.

Keywords: Karelia, Olonets Isthmus, stages of settlement, written sources, Christmas Pogost, fortress construction, archaeological excavations, formation and development of the urban structure

